

Наталия Черных

Время мелкого человека

Господи, я даже не шила — на руках подрубала ткань.
 И пред Тобюю почти не ходила, вставая в самую рань.
 Я не Тебя вспоминала, рыдая, глядя на белые стены,
 Повороты судьбы принимая и людей принимая измены.
 А Ты был рядом, так близко, и не издавал ни звука.
 Что я теперь, говоря, атеистка, сама с собою разлука?
 Кто же ещё меня мог распилить, как пилят бюджет и планету?
 Кто меня смог без вреда сохранить без дома, тепла и света?
 Кто в этом мире из трубочек для коктейля целое мог найти?
 Кто это целое выжег с корнем, оставив мне полпути,
 Когда ни дойти, ни вернуться, ни сгинуть, ни есть и ни спать не можешь?
 Кто не забрал меня с этой биржи, когда чище была и строже?
 Я не играла в творца, не создавала идей и общественных организаций,
 Не брала на себя обязательств, как Лига объединённых наций.
 Я молоко не всегда пила. А кажется, что нормально:
 И рост, и вес, и болезней воз, и — в плане материальном.
 И вот теперь, ожидая, что перед лицом Твоим встанут
 Все блохи болей моих и слабостей и самые давние раны,
 Молчит моё сердце, окаменело. Оно ничего не просит.
 Душе ничего не нужно. А тело идёт себе и гундосит.
 И вспомнить почти что нечего. Кроме ткани да ниток с иглою.
 Священник скажет: помстилось.
 Но что было — то было перед Тобюю.

На правом фланге толкучка, как и на левом.
 Торговля обмером и весом.
 Товар пропадает медленно, между делом,
 Покупатели с маленьким интересом.
 Правый фланг помоложе и поживее,
 В сущности, он — та же Тишинка.
 А предзимний ветер понемногу звереет,
 И всё тяжелее моя корзинка.
 И хорошо, если зима будет дружной.
 От усталости ртом что попало намелешь.
 А судьба скользит в направлении южном,
 И на могиле моей написано: ты ничего не умеешь.
 А Тишинка всё так же шумит, поднимает цены.
 Тревоги — это по-русски. На сленге было — измены.
 На любую беду у меня ответ:
 Вы все дома.
 Я, извините, нет.

● ● ●

Не время для искусства. За окном,
Не ведая о том, ваяет осень
Из меди и из бронзы ветви ив,
И старого каштана чёрный остов
Укрыт листвы сиянием последним.
Как мало красок. Сколько в них оттенков.
И самоликвидации кошмар,
В ленивый пригород непрошено пришедший,
Не виден за окном. А лишь каштан
С почти прямой принципиальной веткой,
Плечо весов старинных, под огнём
Согнувшееся дикой красотой,
Определяет времени границы.
К закату небо—словно медный купол,
А листья клёна по земле катятся,
Как странные звенящие шары.
В картине этой столько глубины,
Лишь в Подмоскowie осенью явленной,
Что даже белый голубь дворовой,
Надежду источающий в полёте,
Не нарушает странного покоя
Задумчивого пламени. Каштан
Не в силах опустить руки. Зима
Не далеко, но и не наступает.
Не время для искусства. Но, пока
Осадок я великого великий,
Оно живёт. Задумчивое пламя—
Стихия, где назначено мне быть,
Пока осадок я, великого—великий.

● ● ●

Моё дело—хамить старухам
И покрикивать на детей.
Я последняя всем разруха,
Гневный голос живых частей.

Вы, рожавшие богатеев,
Вы, кормящие паразитов,
Стали ль ваши души теплее,
Стали ль ваши утробы сыты?

Вы, орудие не зверьками,
А намного зверья страшнее,
Вы—проклятие вашей маме
И ярмо у отца на шее.

Вы—зловестники позитива,
Покупавшие души на вес,
Вместо вас у черты прилива
Полумёртвый высится лес.

Даже те, кто изведаль боли,
Даже те, кто отведал страха,
Знает о разрухе не более,
Чем районная здесь деваха.

Моё дело выше и тоньше,
Моё дело—беды опека,
Ибо здесь всех тяжестей больше
Бремя мелкого человека.